

Раздел второй

ЭКОНОМИКА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ И СТРУКТУРНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА

---

*В. А. Мау,
доктор экономических наук,
АНХ при Правительстве РФ*

Экономические реформы в России: итог и перспективы

Вокруг экономических реформ вообще и российских реформ в особенности идут очень острые дискуссии. Одни и те же события интерпретируются и оцениваются с противоположных точек зрения. Широко обсуждается тема о специфичности России и об особенностях проводимых здесь экономических реформ. Отсюда возникают вопросы о том, в какой мере вызовы, стоявшие перед Россией, носили исключительный характер, и в какой мере трудности осуществления реформ являются результатом недооценки или, наоборот, переоценки российской специфики?

1. Итоги первого десятилетия посткоммунистических реформ

В конце 1980-х годов перед Россией (точнее, перед СССР) в полный рост встали четыре масштабных исторических вызова, которым соответствовали четыре различных процесса преобразований. И именно последнее в полной мере предопределяло развитие страны на протяжении 1990-х годов. Эти процессы, не будучи непременно внутренне взаимосвязанными, оказались для России тесно переплетенными и существенно влияли как друг на друга, так и на весь характер экономического и политического развития страны.

Во-первых, страна столкнулась с вызовами постиндустриальной эпохи. Выход за рамки индустриального общества неизбежно

сопровождается тяжелым структурным и макроэкономическим кризисами, через которые прошли страны Запада в 1970-е годы. СССР, вследствие благоприятной для себя внешнеэкономической конъюнктуры, смог отсрочить начало структурной адаптации, но тем болезненнее она оказалась, когда стала абсолютно неизбежной. Структурный кризис советской хозяйственной системы, проявившийся в полной мере в масштабном спаде уже российской экономики, стал отражением тех процессов, которые применительно к западным странам 1970-х годов описывались термином "стагфляция"¹.

На протяжении 1990-х годов шли острые дискуссии относительно характера структурной трансформации российской экономики. Падение ряда традиционных секторов индустриальной экономики характеризовалось некоторыми авторами как деиндустриализация, хотя более глубокий анализ позволяет увидеть в происходящих структурных сдвигах и ростки новой, постиндустриальной структуры. Бурно растут отрасли телекоммуникаций и связи, электронная промышленность² (после 1998 г. более чем на 1/3 ежегодно). Прогрессивные сдвиги происходят в структуре выпускаемой продукции химической промышленности и металлургии. Заметно растет число организаций образования и число лиц, вовлеченных в вузовское и послевузовское образование. Укрепление этой тенденции будет в значительной мере зависеть от эффективности экономической политики, от способности правительства содействовать развитию благоприятных сдвигов.

Во-вторых, в российском обществе протекали процессы собственно посткоммунистической трансформации. Это был поистине уникальный эксперимент. Никогда в мировой истории не осуществлялся переход от totalmente государственной экономики к рыночной. Естественно, наиболее сложным процессом здесь являлась трансформация собственности — приватизация в национальных масштабах. Однако этот переход не являлся чем-то специфическим для России. Одновременно с ней посткоммунистические преобразования осуществляли еще порядка 25 государств, причем ряд стран начали этот переход на два-три года раньше России, что давало

---

¹ Характеристика российского кризиса как кризиса индустриального общества содержится в работах некоторых исследователей (см.: *Bauman Z.A. Post-Modern Revolution? // From a One-Party State to Democracy. Amsterdam: Rodopi, 1993; Rosser J.B., Rosser M.V. Schumpeterian Evolutionary Dynamics and the Collaps of Soviet-Block Socialism // Review of Political Economy. 1997. Vol. 9. N 2.*)

² За 1990-е годы электронной промышленностью было освоено порядка 700 новых изделий, отвечающих мировому уровню, 800 видов товаров народного потребления. Рост производства в 1999 г. составил здесь 46%, а в 2000 г. — 37,7%. За последние годы значительно возрос экспорт электронной продукции в основном в страны дальнего зарубежья, он составляет 70—80 млн долл. в год (См/ *Смирнов В. Большие перспективы микротехнологий и схем // Красная звезда. 2001. 17 марта; Он же. Российская электроника — богач и бедняк // Российская газета. 2001. 17 апр.*)

постсоветским республикам определенный, хотя и не очень богатый опыт.

В-третьих, в результате популистской экономической политики (начиная со второй половины 1980-х годов) Россия столкнулась с масштабным макроэкономическим кризисом, что привело к развалу бюджетной и денежной систем, исключительно высоким темпам инфляции и падению производства. Впрочем, к концу XX столетия макроэкономический кризис и пути борьбы с ним были уже хорошо изучены. В послевоенный период схожие проблемы приходилось решать многим странам Европы, Азии и Латинской Америки, да и сама Россия имела определенный позитивный опыт преодоления макроэкономического кризиса (в 1922—1923 гг.).

Наконец, *в-четвертых*, экономико-политические, макроэкономические и структурные преобразования, с которыми столкнулась Россия на рубеже 80—90-х годов, осуществлялись в условиях полномасштабной социальной революции. Системные преобразования, радикально изменявшие общественное устройство страны, протекали в условиях слабого государства, что и представляет собой сущностную характеристику революции¹. К началу посткоммунистических преобразований разрушенными оказались практически все институты государственной власти, и их восстановление было, по сути, центральной политической задачей первого посткоммунистического десятилетия. Более того, экономические реформы продвигались только по мере восстановления институтов государственной власти, что приводило к гораздо более медленным темпам преобразований, чем в большинстве других посткоммунистических стран. Революционный тип преобразований был уникален среди стран, осуществивших посткоммунистический переход, однако в европейской истории он также не был абсолютно нов.

Таким образом, развитие России в последнем десятилетии было действительно весьма специфичным. Однако специфика эта предопределялась не столько факторами культурно-исторического характера, сколько самим *фактом одновременного протекания четырех обозначенных выше процессов*. Каждый из них не представлял собой чего-то уникального, неизвестного из опыта других стран или из исторического опыта самой России. Уникальным стало их переплетение в одной стране в одно и то же время. Именно оно вызвало к жизни те своеобразные процессы, которые обуславливали специфику российской трансформации и ставили в тупик многих исследователей посткоммунизма.

К концу 1990-х годов обозначилось исчерпание по крайней мере трех из четырех трансформационных процессов.

---

¹ Подробную характеристику этого вывода см.: *Стародубровская И.В., Май В.А.* Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001. С. 313—317.

Прежде всего *была проведена макроэкономическая стабилизация*. Кризис оказался довольно длительным по продолжительности (около десяти лет), однако не беспрецедентным в экономической истории. Стабилизация была осуществлена при помощи набора стандартных мероприятий (либерализации, бюджетной и денежной стабилизации), и ее успешное завершение сформировало основу для восстановления экономического роста.

Практически *исчерпаны процессы революционной трансформации*. Налицо восстановление государственной власти, макроэкономическая стабилизация синхронизирована со стабилизацией политической. Еще анализ предвыборных программ политических партий конца 1999 г. показывал, что базовые ориентиры основных политических сил при всех различиях между ними сближаются¹. Возникает общая система базовых ценностей, которые не являются уже предметом политической борьбы. В частности, никто не ставит под сомнение частную собственность в качестве основы экономической и политической жизни (хотя оценки итогов приватизации остаются противоречивыми); никто не выступает с требованиями отказа от жесткой денежной и бюджетной политики (хотя еще недавно многие считали вполне допустимым инфляционное финансирование бюджетного дефицита); все (даже левые) поддерживают политику снижения налогового бремени; все согласны с необходимостью перенесения центра тяжести на проведение глубоких институциональных реформ. Конечно, практические рекомендации политических сил существенно различны, но различия эти уже не настолько глубоки, чтобы вести к разрушению политической стабильности. Способность власти обеспечить базовую макроэкономическую стабильность является важнейшей экономико-политической характеристикой преодоления революционного кризиса.

Уже в 2000 г. в Государственной Думе сложилась ситуация фактического доминирования исполнительной власти, которая могла рассчитывать на поддержку пропрезидентской фракции и (в зависимости от характера законопроекта) правых или левых. 2001 г. принес новые явления в складывающуюся в современной России модель постреволюционной экономико-политической стабилизации: в нижней палате формируется устойчивое проправительственное большинство. Теперь практически любой правительственный законопроект может рассчитывать на поддержку в парламенте, что имеет важное значение для дальнейшего функционирования политического режима. С одной стороны, резко ослабевает роль политического торга вокруг каждого конкретного законопроекта, что обеспечивает устойчивость и последовательность осуществления избранного правительством курса. С другой стороны, форми-

---

¹ ИЭПП. Российская экономика в 1999 г: Тенденции и перспективы. М.- ИЭПП, 2000. С. 313-319; *Дмитриев М.* Эволюция экономических программ ведущих политических партий и блоков // Вопросы экономики. 2000. № 1.

руется стандартная для стабильных демократических обществ система взаимоотношений власти (имеющей большинство в парламенте) и оппозиции (парламентского меньшинства).

Можно говорить и об *исчерпании задач посткоммунистической трансформации*. Этот вывод нередко вызывает особенно острые возражения и потому требует пояснений. Три основные характеристики отличают коммунистическую систему: тоталитарный политический режим, абсолютное господство государственной собственности в экономике, а также товарный дефицит в качестве сущностной черты экономической и политической жизни¹. К концу 1990-х годов в России были преодолены все три черты коммунизма. Это не означает, разумеется, что был полностью преодолен кризис, с которым страна вступила в 1990-е годы. Однако тяжелые структурные и макроэкономические проблемы, которые продолжают стоять перед Россией и делают ее очень уязвимой перед угрозой внешних шоков, строго говоря, не являются наследием коммунистической системы. Все это — результаты развития кризиса индустриальной системы. Недаром практически все страны, которым приходилось решать задачи выхода из индустриального общества, сталкивались со схожими вызовами.

Словом, доминирующей социально-экономической проблемой современной России является кризис индустриальной системы и формирование социально-экономических основ постиндустриального общества. Этот процесс предопределяет существо происходящей ныне трансформации и основные вызовы, с которыми будет сталкиваться страна на протяжении ближайшего десятилетия.

2. Искусство трансформации

Главной проблемой современного этапа экономических реформ стали институциональные преобразования. Строго говоря, и на протяжении первого посткоммунистического десятилетия вопросы формирования новой системы институтов играли существенную роль (ведь приватизация представляет собой одно из самых значительных институциональных преобразований)². Однако лишь после

---

¹ Сущностная связь, неразделимость коммунистической системы и товарного дефицита была показана еще в первые годы практического осуществления коммунистического эксперимента (см.: *Бруцкус Б.Д.* Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // *Экономист*. 1922. № 1-3; *Новожилов В.В.* Недостаток товаров // *Вестник финансов*. 1926. № 2). Любопытно, что это было фактически признано И.Сталиным. В "Экономических основах социализма в СССР" в качестве одного из фундаментальных законов построенного под его руководством общества называется "закон опережающего роста потребностей по сравнению с возможностями их удовлетворения" (*Сталин И.* Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997).

² Поэтому, кстати, не могут не вызывать удивления регулярно повторяемые критиками российских реформ обвинения в недооценке институциональных преобразований реформаторами 1990-х годов.

решения задач экономической и политической стабилизации институциональные преобразования могли приобрести более целенаправленный и последовательный характер. И это не удивительно, поскольку общественная нестабильность, резко повышая неопределенность хозяйственной жизни, подрывает возможность устойчивого функционирования рыночных институтов и прежде всего института частной собственности.

Основные задачи, которые стояли перед правительством в прошедший период, можно свести к следующим: налоговая реформа, реформа бюджетной системы, земельный кодекс, трудовое законодательство, пенсионная реформа, дерегулирование (дебюрократизация), реформа естественных монополий, банковская реформа, реформа таможенного законодательства, развитие финансовых рынков, движение в направлении ВТО. Важными политическими компонентами экономических реформ должны были стать унификация законодательства в масштабах страны (преодоление регионального сепаратизма), судебная реформа и реформа системы госуправления. Все эти преобразования имели своей *целью формирование благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата и на этой основе выход на траекторию устойчивого экономического роста.*

3. Эволюция политической жизни и перспективы экономических реформ

В 2001—2002 гг. в России продолжались процессы консолидации политической элиты при укреплении основных институтов государственной власти в логике рыночной демократии западного типа. Это подтверждается как характером экономико-политических дискуссий последнего времени, так и событиями собственно политической жизни.

Дальнейшая консолидация политической системы посткоммунистической России будет в значительной мере зависеть от результатов парламентских выборов в декабре 2003 г. Вряд ли верховная власть переместится в левую часть политического поля. Поэтому результаты, которые продемонстрируют правые и центристы, станут решающими для облика правящей коалиции — будет ли она чисто лидерской (и в партийно-политическом отношении оппортунистической, поскольку центристы готовы "переварить" и озвучить практически любую идеологию) или же власть будет более идеологически разборчивой, более последовательно опирающейся на ценности рыночной демократии западного типа.

В любом случае от предстоящих выборов можно с высокой степенью вероятности ожидать появления в России правящей партии, т.е. партии, обладающей большинством в нижней палате парламента. На данном этапе это не будет означать формального пере-

распределения полномочий от президента к парламенту, тем более, что правящая партия, если она действительно возникнет, станет таковой не из-за популярности пропагандируемых ею идей, а преимущественно благодаря опоре на популярность президента.

Но, завоевав парламентское большинство, партия вряд ли останется лишь инструментом в руках президентской администрации, ее "машиной для голосования". Партия, имеющая большинство в законодательном корпусе, скорее всего, попытается реализовать собственные корпоративные интересы и вступит в гораздо более жесткий торг с представителями исполнительной власти. Уже опыт 2002 г. показал, что усилившись за счет коммунистов, центристские фракции склонны демонстрировать свою независимость от Кремля и Правительства, они все активнее торгуются по предлагаемым сверху законопроектам.

Нередко можно встретить утверждение, что российская политическая система является не вполне демократией, поскольку ей далеко до западных стандартов. Однако при ее сравнении с западной следует принимать во внимание особенности различных фаз демократического развития общества. Формирующийся политический ландшафт России действительно не вполне соответствует *современным* принципам функционирования политических институтов стран Запада. Вместе с тем если провести сравнения с этапами развития западных обществ, качественно сопоставимыми с современным российским положением, то можно проследить ряд общих черт и закономерностей. Мы имеем в виду, во-первых, особенности демократических обществ, лишь недавно порвавших с тоталитаризмом или авторитаризмом и, во-вторых, специфику функционирования этих систем в условиях жесткого противостояния правых и левых партий.

В первом случае типичным примером является Италия, в которой на протяжении ряда десятилетий сохранялась "полупарламентарная" система власти, когда ведущая правительственная партия бессменно оставалась у власти — единолично или в союзе с малыми партиями, а вторая по величине партия (коммунистическая) всегда оставалась в оппозиции. По-видимому, на протяжении некоторого периода такой режим будет иметь место и в России.

Полупарламентарная демократия, как показывает опыт, создавая в стране политическую стабильность, способна обеспечить устойчивый экономический рост на протяжении определенного времени. Однако в этот режим встроены и серьезные ограничители, поскольку он создает питательную среду для широкого развития коррупции. Длительное нахождение у власти одной и той же партии не способствует развитию механизмов демократического контроля, в то же время механизмы контроля, характерные для авторитарных систем, здесь также отсутствуют. Способность такого режима обеспечивать экономический рост будет зависеть от того,

в какой мере гражданскому обществу удастся сохранить свою относительную независимость от власти и обеспечить элементарный общественный контроль за деятельностью бюрократии.

Другой особенностью современной России в сравнении с развитыми демократиями Запада является сохранение существенных различий между правыми и левыми силами. Это различие уже вышло из состояния абсолютного, антагонистического конфликта, когда противоположные группы не имели общего поля для дискуссий, поскольку находились в принципиально разных системах координат, имели диаметрально противоположные ценности и представления о принципах развития страны. Когда правые работали над формированием в России основ рыночной демократии, коммунисты могли говорить только о "свержении антинародного режима", ностальгировать по СССР и энтузиазму сталинской поры. Теперь ситуация изменилась — как на программном уровне¹, так и в практической политике партий. Однако, несмотря на некоторое сближение позиций и появившуюся способность партий вести диалог, разрыв между ними остается еще очень существенным — примерно таким, какой был характерен для западных стран в 1930—1950-е годы. Отсюда проистекает большая жесткость взаимоотношений правительства и оппозиции, чем это свойственно сейчас развитым демократиям.

Тем не менее российские базовые ценности, по существу своему, уже являются ценностями западных демократий, те или иные аспекты которых считают приемлемыми для России различные политические силы. Не только в научных, но и в политических дискуссиях широко используются межстрановые сравнения, материалы Всемирного банка (на них чаще ссылаются дирижисты), опыт Новой Зеландии (важный для либералов) и др. Таким образом, можно констатировать фактическое завершение дискуссии об исключительности России.

4. Дискуссия об экономическом росте

С самого начала 2002 г. вопросы темпов роста стали предметом острейшего обсуждения. Первоначально это было связано со стагнацией в зимние месяцы. В принципе осенне-зимняя стагнация прослеживается в российской экономике уже на протяжении ряда лет, однако каждый раз аналитики ставят один и тот же вопрос: является ли эта новая остановка сезонной или же страна стоит перед угрозой полномасштабной рецессии? Вопрос этот стоял тем более остро, что в 2001 г. наметились негативные тенденции в развитии мировой экономики, что, естественно, породило опасения, не является ли российская стагнация частью общемировых процессов.

---

¹ Сравнительный анализ программ представленных в Думе партий см.: Российская экономика в 1999 году: Тенденции и перспективы. М/ ИЭПП, 2000. Вып. 21. С. 313-319.

К весне 2002 г. экономика России вновь продемонстрировала рост, однако темп его был ниже, чем в предыдущие два года. Если в 2000 г. ВВП вырос на 9%, в 2001 г. — на 5, то в 2002 г. — не более чем на 4%. Низкими оставались и показатели инвестиционной активности — прирост инвестиций в 2002 г. составил порядка 2,5%. Серьезной проблемой стало отсутствие заметного структурного обновления.

Параметры роста российской экономики стали поводом для жесткой критики правительства со стороны различных групп политиков и экономистов. Суть ее состояла в том, что такими темпами Россия очень нескоро достигнет нынешнего уровня даже наиболее бедных стран ЕС и уж точно проиграет в соревновании с быстро растущим Китаем. В.Путин также несколько раз в течение весны 2002 г. высказывался на эту тему, призывая Правительство ставить перед собой "более амбициозные задачи". Таким образом, проблема роста в этой дискуссии выступила не столько как экономическая, сколько как политическая. Главной здесь была оценка эффективности деятельности правительства и, соответственно, альтернатива как проводимому курсу, так и осуществляющим его персоналиям. Вопрос, впрочем, не может быть ограничен и узкополитическим аспектом проблемы роста, каким бы важным он ни представлялся. В 2002 г. была четко сформулирована ключевая задача предстоящих десятилетий: преодоление отставания России от наиболее передовых стран мира. Решение этой проблемы может стать объединяющей общество идеей, на отсутствие которой нередко жаловались представители российской элиты в 1990-е годы. Однако принципиальной особенностью стоящей перед Россией задачи является необходимость осуществления *прорыва от индустриального общества к постиндустриальному*. Такой задачи пока еще никому решать не приходилось¹.

Признание названной проблемы ключевой позволяет определить конкретные характеристики роста, который необходимо обеспечить в современной России. Во-первых, нужен устойчивый и долгосрочный рост в средне- и долгосрочной перспективах. Поэтому важно не допускать принятия популистских решений, которые приводят к краткосрочным эффектам, за которыми следует тяжелый кризис. Во-вторых, рост должен сопровождаться прогрессивными структурными сдвигами. В-третьих, радикальные структурные сдвиги требуют формирования такой институциональной системы, которая обеспечивает высокую адаптивность экономики и отдельных экономических агентов к постоянно меняющимся вызовам времени.

Экономический рост — проблема многоаспектная, тем более, когда речь идет о стране, только выходящей из длительного перио-

---

¹ Подробнее о постиндустриальных проблемах развития современной России см.: *Мау В.* Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: Проблемы догоняющего развития // Вопросы экономики. 2002 № 7.

да революционных потрясений и стоящей перед необходимостью решать задачи глубокой структурной трансформации экономики. В такой ситуации разные экономические и политические группировки, участвующие в дискуссии о росте, пытаются решать свои существенно различные задачи. Вопрос о росте становится полем для борьбы различных групп влияния за власть. Причем менее всего эта борьба может ассоциироваться с позицией левых сил. Они, конечно, также имеют свои представления о "правильной" системе мероприятий, обеспечивающей экономический рост, однако ведущую роль в критике правительства играла отнюдь не КПРФ. Наиболее активными здесь были как раз группировки, так или иначе связанные с исполнительной властью — уже находящиеся в структурах власти, но стремящиеся к укреплению своего положения, расширению сферы своего влияния на правительство. В содержательном отношении дискуссия развивалась вокруг четырех базовых направлений консолидации экономического роста.

Дирижистская модель основана на применении принципов традиционной промышленной политики, включая выделение отраслевых приоритетов и государственную (финансовую и нефинансовую) поддержку этих секторов. Сторонниками этой модели выступали представители как левых сил, так и ряда действующих структур власти, а также связанные с ними экономисты. Данная модель основывается на этатистской идеологии, на вере в возможности государства объективно определять приоритеты и формировать долгосрочную стратегию роста. Не менее важен для нее протекционизм как способ защиты отечественного производителя от конкуренции более сильных иностранных фирм. Таким образом, эта модель предполагает проведение активной "промышленной политики" в традиционном (отраслевом) значении этого слова.

Развитие финансово-промышленных групп, повышение инвестиционной (и вообще организаторской) роли конгломератов крупнейших фирм. Предполагается, что такие образования благодаря соединению в себе финансовых, производственных и исследовательских организаций обеспечивают концентрацию финансовых, интеллектуальных ресурсов, а также снижение транзакционных издержек¹.

Резкое сокращение бюджетной нагрузки на экономику (реформа формирования и расходования бюджетных средств), приведение ее в соответствие с параметрами, характерными для стран аналогичного уровня экономического развития².

Институциональные реформы, нацеленные на стимулирование предпринимательской деятельности, проведение активной по-

---

¹ См.: Дынкин А., Соколов А. Интегрированные бизнес-группы в российской экономике // Вопросы экономики. 2002. № 4.

² См., например: Илларионов А, Пивоварова Н. Размеры государства и экономический рост // Вопросы экономики. 2002 № 9.

политики государства по созданию благоприятных условий для инвесторов — как отечественных, так и иностранных. Для этого необходимо формирование адекватной системы институтов, включая соответствующее законодательство и эффективную правоприменительную систему.

Правительство делает очевидный упор на последнюю модель консолидации роста. По нашему мнению, она является наиболее адекватной вызовам постиндустриальной эпохи, но и наименее эффективной с точки зрения публичной политики. Консервативная макроэкономическая политика, налоговая реформа, дерегулирование, переговоры о вступлении в ВТО и об общеевропейском экономическом пространстве, разработка нового трудового и пенсионного законодательства, постепенное реформирование естественных монополий — эти и другие направления работы реализуются правительством с 2000 г. Хотя и непоследовательно, но именно они создают базу для устойчивости российской экономики, осуществления в ней структурных реформ.

Однако внешне такая политика выглядит недостаточно эффективно и оказывается очень уязвимой для критики со стороны тех, кто верит в "экономические чудеса" или просто заинтересован в смене Кабинета. Естественно, возникают разного рода предложения или об активизации промышленной политики в смысле назначения отраслевых приоритетов и их поддержки со стороны государства, или о резком снижении бюджетной нагрузки в ВВП, или о заметной девальвации рубля как способе защиты отечественных товаропроизводителей от иностранной конкуренции.

Проблема консолидации роста имеет несколько аспектов, которые следует принимать во внимание при выработке решений практической политики. Во-первых, это особенности современного этапа технологического развития, когда перед страной стоит задача постиндустриального прорыва. Во-вторых, существуют некоторые особенности роста в условиях глубокой структурной трансформации национальной экономики. В-третьих, в условиях глобализации и открытости российская экономика не может не реагировать на состояние мировой конъюнктуры (было бы странно ожидать высоких темпов роста в условиях мировой рецессии). В-четвертых, на рост влияет и специфика постреволюционной ситуации. Все четыре перечисленных обстоятельства непосредственно влияют на российский экономический рост современной России, а их переплетение в значительной мере предопределяет специфику решения социально-экономических проблем.

Ключевой проблемой при выработке политики роста является признание постиндустриального характера стоящих перед Россией вызовов. Механизм решения задач догоняющего развития в постиндустриальном мире существенно отличается от решения аналогичных проблем в эпоху индустриализации, к которой привыкли апел-

лирование критики экономической политики, проводившейся в 2000-2002 гг. Главная особенность современных производительных сил — резкое повышение динамизма и разнообразия (вплоть до индивидуализации), с одной стороны, потребностей и возможностей, с другой — их удовлетворения. Это, в свою очередь, означает резкое сужение временных горизонтов, на которые можно делать ответственные прогнозы особенностей и приоритетных направлений технологического развития производства и его отдельных секторов. Если в индустриальную эпоху можно было наметить приоритеты роста на 20—30 лет и при достижении их действительно войти в ряды передовых стран (что и сделали в XIX в. Германия, а затем Япония и СССР), то теперь приоритеты быстро меняются. На протяжении 2002 г. в связи с политической борьбой, развернувшейся вокруг проблемы роста, предпринимались (и будут предприниматься в дальнейшем) попытки определения долгосрочных отраслевых приоритетов, на которых государство могло бы сосредоточить внимание и сконцентрировать ресурсы. Однако все попытки такого рода проваливались, поскольку объективных критериев выделения отраслевых приоритетов на самом деле не существует. Дальнейшая дискуссия может привести лишь к тому, что в качестве приоритетных будут выделены сектора, обладающие максимальными лоббистскими возможностями.

Специфика постиндустриального прорыва предполагает выдвигание на передний план задачи обеспечения гибкости и адаптивности экономической системы, способности экономических агентов быстро и адекватно реагировать на вызовы времени. Адаптивность приходит на место концентрации ресурсов в качестве ключевого ориентира государственной политики. Причем она гораздо важнее формальных показателей уровня экономического развития, измеряемого размером среднедушевого ВВП.

Не следует также забывать, что в настоящее время перед Россией стоит задача не только и даже не столько обеспечения роста, сколько проведения глубокой структурной трансформации. Между тем, как показывает опыт наиболее развитых стран, период структурных реформ нередко сопровождается замедлением роста, а то и кажущейся стагнацией (как это было в ряде стран Запада в 1970-е годы). Отчасти это связано с тем, что новые сектора (особенно услуги) плохо фиксируются методами традиционной статистики, отчасти — необходимостью накопления ресурсов для нового технологического рывка¹. Разумеется, сказанное не должно восприниматься как апология стагнации. Однако надо принимать во внимание, что экономический рост без структурных сдвигов достаточно легко достигим методами государственного администрирования

¹ Мельянец В. Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. М: ИСАА МГУ, 2000. С. 14.

(например, в Белоруссии при А.Лукашенко), однако он не делает страну богаче, а экономику эффективнее.

Постиндустриальное общество структурно отличается от индустриального тем, что преобладающей в ВВП и в занятости становится доля услуг. Движение в этом направлении уже обозначилось в России, однако ему надо придать более целенаправленный и последовательный характер. Стратегия прорыва (а не повтора) должна ориентировать на усиленное развитие сектора услуг, прежде всего высокотехнологичных. Хотя дальнейшая отраслевая конкретизация и здесь была бы опасна.

Что же касается "промышленной политики", то она ни в коем случае не должна ориентироваться ни на "назначение приоритетов", ни на "выбор победителей". Оба таких подхода означали бы консервацию формирующихся пропорций. Гораздо важнее *стратегия постоянной корректировки структуры*, при которой власть готова гибко защищать политическими (в том числе и внешнеполитическими) методами всех, кто добивается успеха в мировой конкуренции.

Акцент на секторе высокотехнологических услуг не означает забвения других секторов, по которым у страны есть определенные перспективы развития. К таковым относятся, например, автомобилестроение и самолетостроение. Однако надо отдавать себе отчет в том, что при всей важности развития этих секторов (с политической, технологической и социальной точек зрения) они вряд ли станут точками прорыва в постиндустриальную систему координат.